

УДК 911.3:316.64

Когнитивная концепция территориального социально-экономического поведения в региональном социуме

Н.В. Бекетов

Якутский государственный университет

В последние годы все большее внимание социальных географов и социологов привлекают проблемы, связанные с существованием региональных социумов, что отразилось в быстром развитии такой отрасли знания, как социология региона. В мировой и российской науке уже накоплен немалый опыт анализа территориальных (региональных) сообществ (territorial community). В научный оборот прочно вошли такие категории, как социально-территориальная (поселенческая) общность, территориальные интересы, территориальное неравенство, территориальное (региональное) планирование и управление. Вместе с тем практически полностью обойден вниманием исследователей такой важный объект социологического анализа, как территориальное поведение социальных субъектов. Как ни парадоксально, но создатели классических и современных социологических теорий в подавляющем большинстве случаев социальное (в т.ч. экономическое, политическое, этнокультурное) поведение рассматривают, абстрагируясь от места действия и утверждая, что для социологии это нерелевантно (единственное, пожалуй, исключение составляют исследования города и деревни).

Прежде чем начать анализ сущности территориального поведения, мы должны определить, что данное исследование – это, скорее, попытка актуализации этой категории, придания ей статуса эвристического конструкта.

Выстраивая когнитивную концепцию территориального поведения социального субъекта, мы исходим из очевидного факта, что все действия (из последовательности которых складывается то или иное поведение), локализованы в пространстве и времени. Назовем три критерия, согласно которым из всего спектра социальных действий можно вычленить действия территориальные: 1) это действие, так или иначе опосредованное территорией, на которой оно происходит; 2) это действие, имплицитно включающее данную территорию в акт социального взаимодействия; 3) это действие, передающее отношение субъекта к территории. Первый критерий предполагает, что данное действие происходит (может произойти) только в данном месте и нигде более либо здесь и на идентичных территориях (например, в городах), но не вообще в любом месте на поверхности планеты. Второй означает включение данной территории в акт социального взаимодействия путем использования ее природных ресурсов, социально-экономической инфраструктуры, факторов протяженности, дислоцирования

по отношению к другим территориям и т.д. Третий предполагает рефлексию субъекта по отношению к данной территории, самоидентификацию с ней, осознание и эмоциональное переживание протяженности, дистанцированности, коммуникации между участниками социального взаимодействия на конкретной территории.

Еще одна задача связана с формулированием фундаментальных проблем, решение которых позволит приблизиться к построению общей теории территориального поведения. Такими проблемами, на наш взгляд, являются: 1) концептуализация категории «территориальное поведение»; 2) выявление и анализ факторов, продуцирующих территориальное поведение социальных субъектов; 3) типологизация территориального поведения по ряду базовых оснований; 4) актуализация когнитивной ценности категории «территориальное поведение» для социологической теории и социальной практики.

Концептуализация категории «территориальное поведение» возможна на разных уровнях социологического знания, начиная от метатеоретического (социальная философия) до эмпирического (прикладного). Существует ряд социологических перспектив, которые можно специфицировать в отношении пространства и территории. В данной статье с целью первоначального анализа территориального поведения мы воспользуемся методологическими подходами теорий поведения человека в коммуникативном пространстве (проксемики), социального действия и коммуникативного действия, социального поля и социальных изменений, экономических и социологических концепций экономического поведения (деятельности) социального субъекта.

Концептуализация категории «территориальное поведение»

Категория «поведение» рассматривается в биологии, психологии, социологии. Отличие в подходах данных наук состоит в том, как обнаруживается и в чем проявляется поведение человека. Биология рассматривает поведение исходя из физиологических особенностей организма, как реакцию на то или иное изменение окружающей среды. Психология оперирует как врожденными, так и приобретенными психологическими механизмами, управляющими поведением индивида. Социология анализирует поведение индивида и группы, встроенное в широкий социальный контекст, опосредованный социокультурными нормами, а также традициями и обычаями данной социально-территориальной общности.

Сравнительно новое направление в психологии – проксемика – рассматривает поведение человека в коммуникативном пространстве. Именно проксемика может стать отправным пунктом в исследовании территориального поведения социального субъекта. Центральный вопрос данного направления – о признании реальности того образа, который создается с помощью априорных форм познания. И. Кант, например, утверждает, что «формы созерцания и категории мышления не строятся

индивидуальным опытом... а просто даны нам априори», они не имеют ничего общего с объективной действительностью [15, с. 251].

Центральный концепт проксемики – коммуникативная дистанция, имеющая публичное, социальное, личное и интимное измерения. Коммуникативная дистанция устанавливается между индивидами на основе комплекса факторов: культурного (в разных культурах формируется разное представление о «допустимой» дистанции между участниками коммуникации), психопатологического (разные психические состояния, в которых оказывается личность, устанавливают разную дистанцию между индивидами), криминалистического (преступник обладает сравнительно более широким полем личного пространства, попадание в которое определенного объекта включает механизм криминальных действий по отношению к нему).

Для нашего исследования принципиально важным является утверждение психологов о том, что «в определенно организованном пространстве можно наблюдать характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий. Физическая организация среды накладывает печать на их поведение» [28, с. 107].

Применительно к нашему анализу территориальное поведение социального субъекта в категориях проксемики можно трактовать как комплекс индивидуальных и групповых реакций на рефлексию пространства коммуникации в соответствии с априорными представлениями, данными от рождения, и культурными стереотипами, приобретенными в процессе развития и социализации личности.

Исходным пунктом анализа территориального поведения в рамках **теории социального действия** является классическое определение М. Вебера: социальное действие – это элементарная частица человеческого поведения, характеризующаяся осмысленностью с точки зрения целей и средств их достижения, ориентацией на других людей, учитывающей влияние на них и их ответную реакцию (т. е. субъектно-субъектное действие) [34, с. 85–86]. Т. Парсонс, отталкиваясь от идей М. Вебера, рассматривает социальное действие как систему, включающую четыре подсистемы: социальную (обеспечивает интеграцию действий множества индивидов); культурную (содержит наиболее общие образцы действий, принципы выбора целей, ценностей, верований, знаний); личностную (отражает индивидуальные особенности личности актора); органическую (обеспечивает актора физическими и энергетическими ресурсами для взаимодействия со средой) [19, с. 461–462].

Теория социального действия изначально выстраивалась М. Вебером и Т. Парсонсом на априорном утверждении, что действие разворачивается в пространстве и длится во времени. При этом Т. Парсонс, на первый взгляд парадоксально, подчеркивает, что «отношение субъект–объект не есть отношение, разворачивающееся в пространстве» [19, с. 97, 149], «действие непространственно, но темпорально». Тем не менее утверждение о «непространственности» социального действия относится к аналитической

теории, предполагающей высший уровень абстрагирования, когда пространство элиминируется, как второстепенный атрибут структуры социального действия. Вместе с тем в важнейшем для нашего исследования труде «Структура социального действия» (1937) Т. Парсонс неоднократно подчеркивает значение среды для корректного анализа социального действия: «Без изучения сложных взаимодействий конечных ценностей, идей, установок, норм различного типа друг с другом, а также с наследственностью и *средой* (курсив наш. – Н.Б.), конкретная социальная жизнь и действие, как мы их знаем эмпирически и как рассматривает их Вебер, попросту не интерпретируемы и не мыслимы вообще» [19, с. 149].

Последняя идея получает развитие в ряде более поздних работ Т. Парсонса, в частности, в коллективном труде "К общей теории действия" (1951), где он характеризует данную теорию как концептуальную схему для анализа поведения живых организмов.

Таким образом, эманация парсонсовской теории требует включения территории (пространства, среды) в сферу научного анализа. Территориальное действие, являясь инвариантом социального действия, характеризуется всеми его особенностями, преломленными в социально-природной специфике региона.

В рамках парадигмы социального действия территориальное поведение можно охарактеризовать как систему действий социального субъекта (отдельной личности или группы, в т.ч. территориальной общности), включающую субъект действия, объект действия, территорию (определенным образом организованное пространство взаимодействия) и средства (как персональные качества и потенции субъекта и объекта, так и ресурсы территории, находящиеся в их распоряжении).

Классические труды М. Вебера и Т. Парсонса легли в основу **теории коммуникативного действия** одного из ведущих теоретиков современности, представителя Франкфуртской школы Ю. Хабермаса. По сути, теоретические конструкты этого мыслителя стали продолжением и развитием идей Т. Парсонса о природе морального и коммуникативного действия [19, с. 356].

Эволюция концепции Ю. Хабермаса прослеживается с 1960-х гг. Уже в то время в ряде работ он противопоставляет понятия «система» и «жизненный мир» (как пространство межличностной и групповой коммуникации), относя к первому, прежде всего, политико-правовые и экономические институты, ко второму – культурно-социальные. Именно отсюда берет начало его идея о дихотомии инструментального и коммуникативного действия (первое характерно для системы, второе – для жизненного мира), получившая законченное воплощение в капитальном труде «Теория коммуникативного действия» [32] и ряде более поздних работ. Противопоставление инструментального и коммуникативного действий позволило Ю. Хабермасу утверждать о «колонизации» системы жизненного мира. Проявляется это, по его мнению, в том, что такие значительные области жизненного мира, как публичная сфера, образование, гражданство в

современном обществе, начинают подчиняться императивам экономической подсистемы. Особая роль в современном мире, по мнению исследователя, принадлежит коммуникативному действию, основанному на моральных принципах, эксплицированных в социокультурных нормах, и предполагающему интеракцию по меньшей мере двух социальных субъектов, владеющих речью.

Ю. Хабермас так же, как М. Вебер и Т. Парсонс, специально не рассматривает коммуникативное действие в территориальной экспликации, однако сама идея коммуникации имплицитно предполагает это. Формулируя тезис о перформативной установке участников коммуникации (являющейся модулятором драматургического действия), Ю. Хабермас утверждает: «Общаясь друг с другом в перформативной установке, говорящий и слушатель участвуют в то же время и в выполнении тех функций, благодаря которым в ходе их коммуникативных действий воспроизводится и общий для них обоим жизненный мир» [27, с. 42].

Чувство территории (мой дом, моя земля, мой город и т.д.), будучи социокультурным феноменом и важным атрибутом социализации, присуще каждому человеку. По мнению ряда исследователей [12; 26], пространственное сознание людей, ощущение места себя и других на данной территории, опосредующие их территориальное поведение, формирует именно коммуникация. Изучение того, как возникает пространственная рефлексия, каким образом она влияет на территориальное поведение социального субъекта, позволило бы пролить свет на многие особенности территориального поведения. Однако это сложная задача, поскольку, как отмечает А.Ф. Филиппов, большое пространство (регион, страна, мир, все то, что невозможно охватить взглядом в непосредственном отражении) «само по себе чаще всего не рефлексивируется, не осознается и никак с конкретными механизмами, обуславливающими социальное действие, не сопрягается» [25, с. 194]. На наш взгляд, есть два пути разрешения загадки пространственных мотиваций социального субъекта: 1) социально-психологический (восхождение от потребностей индивидов к их территориальным интересам, от них – к мотивам, стимулам, диспозициям и, наконец, – к территориальному поведению); 2) коммуникативный.

Поскольку насущные, жизненные потребности людей, проживающих на планете, имеют антропогенный характер, а потому в целом совпадают и включают базовые потребности, можно утверждать, что территориальное поведение порождается не различиями в потребностях, а неадекватными возможностями для их удовлетворения на разных территориях. Осознание того, что данная территория (в силу разных причин) не обеспечивает реализацию той или иной насущной потребности, порождает территориальный интерес. В отечественной социологии первыми сформулировали это понятие и систематически изложили базовые территориальные интересы известные российские ученые Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина [11]. Позже в дискурс включились многие российские исследователи [10; 23; 24].

Можно выделить две поведенческие стратегии в реализации территориальных интересов индивидов и групп – «инновационную» и «миграционную». Первая предполагает удовлетворение потребностей (реализацию интересов) путем привлечения социально-экономических ресурсов, использования аппарата управления и демократических политических институтов на данной территории (в данном регионе); вторая – миграцию с неблагоприятной в социально-экономическом и иных отношениях территории на более предпочтительную (благополучную). При этом мигранты «экспортируют» паттерны территориального поведения своего прежнего места жительства в районы нового заселения, что в случае массового характера миграций может привести к росту социальной напряженности в регионе, вызванному не только появлением «чужих», но и существенным давлением импортированных форм территориального поведения на его местные традиционные формы.

В категориях социальной психологии и теории коммуникативного действия территориальное поведение можно охарактеризовать как систему коммуникативно-инструментальных действий индивидов и групп (складывающуюся как «внутри» социально-территориальной общности, так и между общностями), являющуюся рефлексией их территориальных интересов и формирующую на данной территории жизненное пространство и политико-экономическую систему.

В рамках **теорий социальных изменений и социального поля**, разработанных польским ученым П. Штомпкой [29], возможен анализ территориального поведения, основанный на его «темпоральности», т.е. на том, что оно происходит, длится во времени на определенной территории, формируя совокупность разноуровневых полей социального взаимодействия, как относительно изолированных друг от друга, так и взаимопересекающихся. Территориальное поведение предстает непрерывным процессом изменения (или последовательности состояний) социальных полей, сложившихся на данной территории в некую целостность, обеспечивающую их устойчивое взаимодействие.

П. Штомпка, отталкиваясь от идей Т. Парсонса, вводит четыре аналитические категории: структуру, деятелей (агентов), деятельность и действия. По его мнению, существует два уровня социальной реальности: уровень индивидуальностей и уровень общностей. Первый представляют отдельные люди или члены конкретных коллективов, второй – абстрактные социальные целостности надиндивидуального типа, представляющие своеобразную, специфическую социальную реальность. Социальные целостности – это не простые совокупности индивидов или метафизические сущности, а структуры; социальные индивиды – не пассивные объекты или полностью автономные субъекты, а деятели, ограниченные в своей деятельности. И структуры, и индивидуальности существуют в социальной реальности в двух качествах – в качестве потенциальной возможности и в действительности. Первое предполагает заложенные в них семена,

возможности будущего, второе – процессы, трансформации, развитие, поведение и т.д. [29, с. 268–292].

Используя предложенную П. Штомпкой методологию, территориальное поведение можно концептуализировать как процесс преобразования потенций деятелей (индивидуальностей) и структур (социально-территориальных общностей) в действия и деятельность, формирующие межсубъектные сети, не сводимые к сумме деятелей-субъектов (т. е. обладающие эмерджентными свойствами). В перспективе данный подход дает возможность разработать теоретические модели территориальных экспликаций поведения социальных субъектов.

Идею Ю. Хабермаса о дихотомии стратегического и коммуникативного действия можно рассматривать и в качестве предпосылки к анализу территориального поведения с позиций **экономической социологии и экономической теории** [см.: 4; 7; 17; 30]. В данном случае базовая категория – экономическое поведение, характеризующая объект изучения как экономической теории, так и социологии экономики, – на наш взгляд, может успешно концептуализироваться и в территориальной экспликации. Действительно, территория в совокупности пространства, в котором формируется социально-экономическая инфраструктура, и природных ресурсов, которыми она обладает, является материальной основой жизни общества. Природно-экономические различия территорий продуцируют различные формы экономического поведения на них. Вместе с тем до самого последнего времени территориальные особенности развития экономики находились преимущественно в сфере внимания экономистов и географов, которые ограничивались описанием пространственного размещения объектов, никак не учитывая при этом субъективный фактор – преобразующую активность человека. Создатели экономической теории ввели в качестве субъекта деятельности homo economicus, лишенного каких-либо интересов, кроме максимизации прибыли. В рамках экономической социологии, начиная с М. Вебера и Т. Парсонса до современных исследователей, ученые упорно пытались «оживить» экономического человека, наделяя его социокультурными характеристиками. Однако все они также специально не рассматривали поведение социально-экономического субъекта в территориальной экспликации.

Среди всех иных форм социального поведения территориальное поведение, очевидно, имеет наиболее интегративный характер, поскольку включает в себя все возможные типы поведения, имеющие специфику в данной местности (экономическое, политическое, религиозное, образовательное, этнокультурное, миграционное и пр.). В настоящее время внимание исследователей привлечено преимущественно к анализу территориального политического (прежде всего – электорального) поведения граждан [2; 9; 20; 31]. Однако бесспорно, что важнейшую роль в жизни общества играет их поведение в системе социально-экономических отношений.

Территориальное социально-экономическое поведение

Выше мы указывали три критерия, позволяющие идентифицировать территориальное поведение социального субъекта. Если конкретизировать эти критерии по отношению к территориальному социально-экономическому поведению (ТП), они выглядят следующим образом: 1) это поведение, опосредованное территориальным разделением труда; 2) это поведение, предполагающее использование ресурсов данной территории (природных и социально-экономических); 3) это поведение, основанное на пространственной (территориальной) рефлексии экономического субъекта. Первый и второй критерии соотносимы с объективными факторами формирования ТП, третий – с субъективным фактором, проанализированным выше.

Материальной основой и важнейшим атрибутом ТП является определенный участок земной поверхности (территория). При этом наличие некоего сообщества, проживающего и хозяйствующего на данной территории, автоматически не приводит к его возникновению. На наш взгляд, важнейшей причиной ТП выступает территориальное разделение труда.

В первобытном обществе не существовало территориального разделения труда – относительно изолированная территориальная общность воспроизводила все виды хозяйственной и иной деятельности на своей родовой (племенной) территории. Изначальная (первичная) территория, на которой возникает специфическая социально-экономическая деятельность, – территория домохозяйства. Появление домохозяйства (некой части земной поверхности, на которой размещаются жилые и хозяйственные постройки конкретной семьи и которую в силу первичности и незначительной площади можно условно назвать территориально-экономической единицей), выделение его из прежде гомогенной в хозяйственном отношении среды обитания явилось своего рода социально-экономической революцией доисторической эпохи. Вместе с тем специфика традиционного домохозяйства (которое до настоящего времени сохраняется у некоторых народов Африки, Латинской Америки и в сильно деформированном виде – у коренных народов Крайнего Севера) предполагает интегральные формы хозяйствования: место проживания является одновременно и местом хозяйственной деятельности (включая производство, распределение и потребление). Возникновение домохозяйств не привело к территориальному разделению труда, но было важным шагом в этом направлении.

Первое территориальное разделение труда, положившее начало ТП как таковому, связано с возникновением городов. Именно появление средневекового города привело к возникновению первого в истории территориального разделения труда: горожане производили ремесленную продукцию, крестьяне – продукцию земледелия и скотоводства [см. подробнее: 6]. Возник товарообмен, без которого уже не могли существовать ни деревня, ни город. При этом по-прежнему «территориальной единицей» ТП выступало домохозяйство. Социально-экономическая коммуникация возникала параллельно с политической и социокультурной (город

формировал правовое пространство, обеспечивал административное управление, оборону, социокультурную (в т.ч. конфессиональную) идентичность и т.д.). Аккумуляция комплекса социально-экономических, политических и социокультурных отношений на территории города и связанной с ним сельской местности порождала регион низшего уровня, в котором оказывались пространственно разнесены, но территориально интегрированы в единую социально-экономическую систему два базовых типа экономической деятельности: производство (аграрное в деревнях и ремесленное в городе) и обмен. Первое дислоцировалось в домохозяйствах, местом второго выступал рынок.

Возникновение более высокого уровня ТП связано с развитием капиталистических производственных отношений, приведших к появлению новых промышленных территорий – мест размещения мануфактур, фабрик, заводов и т.п. Произошла вторая территориальная социально-экономическая революция: отныне оказались пространственно разнесены место жительства (домохозяйство) и место работы (производство).

С развитием капиталистической экономики и одновременным укреплением централизованного государства возникает третий, еще более высокий уровень территориального разделения труда, связанный с потребностями развивающегося хозяйства. Начинается отраслевая специализация, опосредованная такими факторами, как наличие (или отсутствие) определенных полезных ископаемых, близость к транспортным артериям (первоначально водным), готовность населения к тем или иным видам труда (а позже – наличие необходимой квалификации, уровня образования, профессиональных кадров и т.д.). Территориальное разделение труда выходит за границы региона и охватывает уже целое государство, дифференциация регионов формирует специфические паттерны регионального ТП.

Высший на сегодняшний день (мегауровень) ТП связан с глобализацией социально-экономических отношений, возникновением мировой системы, формированием мирового хозяйства, международным разделением труда, одной из причин которого является специфическое ТП населения того или иного государства. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что страны, обладающие примерно равным запасом полезных ископаемых (в условных единицах), не имеющие существенной разницы в геополитическом положении, нередко принципиально отличаются друг от друга в международной экономической стратификации. Одни (по терминологии И. Валлерстайна) являются ядерными, другие полупериферийными, третьи относятся к периферии. Достаточно, например, сравнить модели хозяйственного поведения, которые демонстрирует население Германии, России, Китая, чтобы стало понятно, о чем идет речь. Различия в ТП народов этих государств настолько разительны и очевидны, что фиксируются не только в научной, но и обыденной рефлексии.

Таким образом, можно выделить следующие уровни ТП, соответствующие различным уровням территориальных форм разделения

труда (таблица): микроуровень, складывающийся в пространстве элементарной территориально-экономической единицы; медиауровень, возникающий в регионе; макроуровень, складывающийся в границах национального государства; мегауровень, возникающий в глобальном сообществе в результате международного разделения труда.

Уровни ТП	Социально-исторические типы экономических систем			
	Присваивающий (первобытный)	Аграрный (феодальный)	Индустриальный (капиталистический)	Постиндустриальный (глобальный)
Микро	+	+	+	+
Медиа	-	+	+	+
Макро	-	-	+	+
Мега	-	-	-	+

Как видно из таблицы, каждый предыдущий уровень ТП не отрицается более высоким, а как бы встраивается в него, образуя своеобразную «матрешку», аккумулирующую весь предыдущий опыт ТП социальных субъектов.

Еще одной объективной причиной формирования ТП, наряду с территориальным разделением труда, является импликация ресурсов данной территории (природных и социально-экономических) в субъектно-субъектные территориальные взаимодействия, превращающая их в субъектно-объектно-субъектные. Представляется очевидным, что своеобразие ландшафтов и природных ресурсов продуцирует определенные паттерны социально-экономического поведения, оптимальные для данной эколого-экономической системы. В подтверждение последнего тезиса можно сослаться на исследование А.И. Зырянова, который с позиций социально-экономической географии анализирует влияние ландшафтов на формирование различных типов территориальных социально-экономических систем. Такие системы, как доказывает автор, возникают на рубежах контрастности – линиях разломов (границах) природно-географических ландшафтов и опосредуются их спецификой [14]. Каждый тип территориальной социально-экономической системы характеризуется, помимо прочего, определенной моделью ТП, которая складывается в результате воздействия комплекса факторов антропогенного и природного характера.

Выводы

Итак, мы утверждаем, что территориальное поведение является важным атрибутом социального поведения людей, имплицитно включающим территорию в субъектно-субъектные отношения. Благодаря уникальному сочетанию и переплетению комплекса факторов, интегрированных на каждой данной территории, в течение столетий сформировались устойчивые паттерны территориального поведения, до настоящего времени существенно влияющие на поведение людей. Территориальное поведение пронизывает все формы социального поведения индивидов и общностей. Наибольшее

значение для науки и социальной практики имеет анализ территориального социально-экономического поведения (ТП). Дистинкция моделей ТП возникает по причине природно-климатических особенностей различных территорий и территориального разделения труда. При этом на разных уровнях обобщения, в разные исторические периоды мы обнаруживаем разные уровни территориального разделения труда и соответствующие им уровни ТП, как бы «встроенные» друг в друга. Анализ этих уровней, а также конкретных форм ТП, характерных для тех или иных регионов и государств мира, позволит приблизиться к пониманию причин многих проблем современного глобального сообщества.

Данная цель ставит перед социологами ряд первоочередных научно-исследовательских задач. Среди них типология ТП по ряду оснований (территориальных, экономических, социокультурных, этносоциальных, исторических и т.д.); выявление базовых и фоновых (первичных и вторичных) факторов, влияющих на формирование тех или иных типов ТП; разработка и описание формализованных моделей ТП; поиск путей воздействия на ТП с целью его изменения, оптимизации, приведения в соответствие с потребностями современного общественного развития. Это особенно актуально для России, в которой, в отличие от большинства других стран, ТП представлено большим разнообразием форм (поведенческая карта РФ очень пестрая).

Вместе с тем не лишено оснований и мнение о том, что ТП в его нынешнем виде не нуждается в кардинальном изменении. В глобализирующемся мире каждый регион, каждый народ находят свое место, свое предназначение, демонстрируют оптимальное для данной территории и ее населения ТП. Возможно, задача состоит не в повышении территориальной гомогенности человеческого сообщества (в том числе и поведенческой), а в достижении оптимального сочетания территориальных форм поведения, гармонизации и гуманизации территориальных коммуникаций, переводе их в плоскость органической солидарности на глобальном уровне. Последняя задача также может найти свое решение в рамках разрабатываемой концепции территориального поведения.

Человек живет не просто на земле, он обитает в конкретном топосе, совершенствуя его своей деятельностью. Когнитивная ценность введения в социологию региона категории «территориальное поведение» заключается в том, что она позволяет выявить онтологические связи между людьми и территорией, на которой они существуют, представить эти связи в виде целостной экосоциальной системы, получить интегральный образ общества на более высоком теоретическом уровне.

Библиографический список

1. *Аванесова Г.А.*, Социокультурное развитие российских регионов: Механизм самоорганизации и региональная политика / Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева. М., 2001

2. *Анализ тенденций развития регионов России в 1991 – 1996 гг.: Политические ориентации населения регионов России.* М., 1997.
3. *Архипова Т.А. Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирования* / Т.А. Архипова. Ростов-н/Д, 2001.
4. *Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение* / Г.Беккер // THESIS. Т. 1, вып. 1. 1993. С. 24–40.
5. *Бергер П. Социальное конструирование реальности* / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995.
6. *Вебер М. Избранное. Образ общества* / М. Вебер; пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 309–446.
7. *Верховин В.И. Экономическая социология* / В.И. Верховин, В.И. Зубков. М.: Изд-во РУДН, 2002.
8. *Гуревич М.А. Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям (на примере Челябинской области)* / М.А. Гуревич. Челябинск, 2001.
9. *Дагамук И.Г. Духовно-культурные мотивации политического поведения молодежи республики Адыгея: автореф. дис.... канд. социол. наук* / И.Г. Дагамук. Майкоп, 2000.
10. *Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ* / Д.В. Доленко. Саранск, 1993.
11. *Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерк теории* / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1991.
12. *Земцов П.А. Коммуникативное пространство в контексте социальных изменений* / П.А. Земцов. Саратов, 2003.
13. *Зинков Е.Г. Руральные основания формирования социокультурного пространства региона* / Е.Г. Зинков. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.
14. *Зырянов А.И. Ландшафтные рубежи контрастности и территориальные социально-экономические системы* / А.И. Зырянов. Пермь, 1995.
15. *Лоренц К. Обратная сторона зеркала* / К. Лоренц; пер. с нем. М.: Республика, 1998.
16. *Лылова О.В. Демографические процессы и экономическое поведение сельского населения в условиях реформ: автореф. дис.... канд. экон. наук* / О.В. Лылова. М., 2001.
17. *Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории* / Л. Мизес. М., 2000.
18. *Мостовая Е.Б. Двойственность субъекта экономической деятельности* / Е.Б. Мостовая. Новосибирск: Наука, 1993.
19. *Парсонс Т. О структуре социального действия* / Т. Парсонс. М.: Академический проект, 2000.
20. *Политическая культура и политическое поведение нижегородских избирателей: монография* / Е.В. Ахметова, П.С. Волоковых, Л.С. Дятлова и др. Н. Новгород, 2001.

21. *Сияхудинов Г.М.* Стереотипы социального поведения менеджеров в современном мире (на примере региона Юго-Восточной Азии): автореф. дис.... канд. соц. наук / Г.М. Сияхудинов. М., 1997.
22. *Соуклер З.А.* Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (научно-аналитический обзор) / З.А. Соуклер // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: реф. сб. / отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН, 2003.
23. *Территориальные интересы* / науч. ред. А.А. Ткаченко. Твер. ун-т. Тверь, 1999.
24. *Троцкий А.Я.* Социально-территориальная структура региона: Строеие и основные тенденции трансформации / А.Я. Троцкий. Новосибирск, 1997.
25. *Филиппов А.Ф.* Большое пространство: возможности социологического изучения / А.Ф. Филиппов // Социологические чтения: сб. матер. междунар. сем. М., 1996. Вып. 1. С. 185–200.
26. *Филиппов А.Ф.* Теоретические основания социологии пространства / А.Ф. Филиппов. М., 2003.
27. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю.Хабермас. СПб.: Наука, 2001.
28. *Черноушек М.* Психология жизненной среды / М. Черноушек. М.: Мысль, 1989.
29. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. М., 1996.
30. *Coleman J.* Rational Choice Perspective on Economic sociology / J. Coleman // The Handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994. P. 166–187.
31. *Graham M.* The Beginner's Book of Australian Politics / M. Graham. Wentworth Falls, 1986.
32. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen handelns / J. Habermas. Frankfurt, 1981.
33. *Maloney C.* Behavior and Poverty in Bangladesh / C. Maloney. Dhaka: The University Press L., 1986.
34. *Weber M.* Economy and Society / M. Weber. Univ. of California Pr. Berkley, 1987. Vol. 1.